

человеческого разума и попыток познать этот мир и свое место в нем. Сад - это подлинное согласие природы и человеческой деятельности. Он создавался для созерцания, и не случайно именно в эпоху средневековья появились сады ученых людей. Они символизировали просветление духа и выражали принципы художественной формы, выработанные образованной элитой.

Даосизм, оказывая влияние на китайские парки, предписывал принимать природу такой как она есть. Создавать садовое пространство с минимальным воздействием на природу. Люди позволяют элементам сада сливаться с природой и процветать. Естественность, о которой говорят даосы, становится главной чертой китайских садов, в которых человек может познать великое дао.

Таким образом, неповторимый облик китайских парков стал возможен вместе с появлением даосской эстетики, которая стала реализовываться китайской интеллигенцией. Достаточно быстро и сложился стиль жизни, который позволял совмещать конфуцианские и даосские идеалы. И именно в рамках даосизма были выработаны представления об индивидуальном творчестве, как реакция на право индивидуального постижения дао. Китайский сад не только создавал возможность для постижения дао, но и был результатом творчества свободного духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Н.А. Китайские сады. – М.: издательство «АРТ-РОДНИК», 2004. – 207 с.
2. Малявин В.В. Китай в XVI-XVII веках: Традиция и культура. М.: Искусство, 1995. – 288 с.
3. Сомкина Н.А. Девять сыновей дракона - феномен китайской культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 8-2. С. 213-218
4. Малявин В. В. Китайская цивилизация. - М.: «Издательство Астрель», 2000. – 632 с.
5. Соколов - Рамизов С.Н. Литература – каллиграфия – живопись. - М.: Наука, 1985. – 309 с.

УДК 327.2

Нестерова Елена Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории и теории культуры ОСКИ
Российский государственный гуманитарный университет
blb1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается соперничество России, Британии, Англии и Японии в китайской медиасфере в начале XX в.

Ключевые слова и фразы. Китай, газета, «Юаньдун бао», «Шэнцзин бао».

КИТАЙСКАЯ МЕДИАСФЕРА НАЧАЛА XX В. КАК ПРОСТРАНСТВО СОПЕРНИЧЕСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕРЖАВ

Nesterova Elena Ivanovna, Ph.D. in History, Associate Professor,
Department of History and Theory of Culture
Russian State University for the Humanities,
blb1@mail.ru

THE CHINESE MEDIASPHERE AS A SPACE OF INTERNATIONAL RIVALRY

(THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY)

Abstract. This article analyzes the rivalry between Russia, Britain, Britain and Japan in the Chinese media sphere at the beginning of the 20th century.

Key words and phases: China, newspaper, “Yuandong Pao”, “Shengjin Pao”.

К концу XIX в. ежедневная китаеязычная газета стала не только неотъемлемой частью культурного ландшафта Среднего государства, но и средством трансляции политических значений, частью пропагандистской борьбы. В начале XX в. заметная часть китайского медиарынка оказывается в зависимости от Британии, Японии, Германии – редакции газет либо полностью финансируются официальными или частными лицами – резидентами указанных стран, либо получают более-менее регулярные дотации.

В 1890 г. военный агент в Китае полковник Д.В. Путята докладывал об успехах английской прессы в области пропаганды. Кроме того, он отмечал, что, за исключением официального правительственного органа «Цзинь-пао», все китайские туземные газеты состоят под негласным контролем европейцев и делают перепечатки из английских газет [1, л. 4]. Особое беспокойство у военного агента вызывала активность британцев в Тяньцзине. В 1886 г. с разницей в несколько месяцев в Тяньцзине увидели свет две газеты - ежедневная китаеязычная «Шибao» (Shih Pao) и еженедельная англоязычная «Chinese Times», обе газеты выпускались редакцией, возглавляемой уроженцем Шотландии Александром Мичи (Michie). А. Мичи долго жил в Китае, занимался коммерцией, прекрасно ориентировался во внутренней ситуации, с 1883 по 1894 гг. был специальным корреспондентом газеты «Таймс» в Тяньцзине [17, р. 91]. В редакционной статье первого номера «Chinese Times» сообщалось, что газета призвана выполнять для севера Китая ту же миссию, что и ежедневные газеты, существующие в южных портах уже порядка сорока лет - «распространять информацию об иностранных странах среди китайцев и о Китае среди иностранцев» [16, р. 1].

Путята отмечал, что в «Шибao» регулярно публиковались материалы, разъяснявшие читателю «опасность, грозившую Китаю от соседства с Россией», акцентировавшие внимание на «русской страсти к захватам; на недостаток престижа России в Европе, что будто бы побуждало ее распространяться и искать славы на востоке; обращала внимание на факт приобретения Россией Уссурийского края по трактату, заключенному в наиболее критический для Китая момент 60-х годов; на постоянные приготовления к военным действиям, делаемые по ту сторону ...» [1, л. 4 об, 5].

Спустя четыре года новый военный агент в Китае Вогак сообщал, что существующая с 1888 г. газета Phih-pao получала субсидии от германского правительства [1, л. 11].

По данным русской разведки, к началу русско-японской войны японское Генеральное консульство в Шанхае негласно дотировало не менее десяти из 14-ти выходивших здесь периодических изданий: пять из шести китайских газет и все имевшиеся англоязычные, общим числом тоже пять. Ежемесячно тратя на подкуп периодической печати порядка 30 тыс. долларов США, японское генконсульство, таким образом, установило негласный контроль над прессой Среднего и Южного Китая [11]. В других крупных городах Поднебесной - в Пекине, Тяньцзине, Гонконге - японцы тем же способом воздействовали на десятки китайских газет и многие англоязычные [11]. В конце XIX в. интерес к китайскому газетному рынку проявляет Россия, т.к. во внешней политике все большую роль начинает играть дальневосточное направление, поэтому России необходимы информационные каналы для объяснения своих действий в Китае и Корее.

Уже упоминавшийся военный агент в Китае Д.В. Путята в 1890 г. составил записку, в которой изложил свое видение ситуации и предложил конкретные шаги, которые необходимо было предпринять России. Он обращал внимание на то, что антирусская направленность начинает ощущаться и в местной, «туземной», как ее называет Д.В. Путята, публицистической литературе, распространяемой среди китайцев. Одним из действенных

вариантов контрпропаганды он видел создание отечественной китаеязычной газеты. Д.В. Путята отмечал, что, хотя китайская пресса пока находится в зачаточном состоянии, необходимо принять ответные меры, т.к. газеты получают все большее распространение среди китайцев. «Китайцы по преимуществу грамотный народ и уважают письменное слово. Система государственных экзаменов дает стране обширный контингент людей, получивших солидное литературное образование и не нашедших применения ему по ограниченности государственных вакансий! Китай представляет собой обширную в мире страну, население которой имеет общий литературный язык, понимаемый также и соседями - Японией и Кореей» [1, л. 5]. Он констатировал, что пока еще журналистика находится в той фазе, когда нет устоявшегося газетного слога, а традиционным литературным языком трудно описать ежедневные новости и события. Однако Путята предсказывал, что в ближайшем времени ситуация в корне изменится. Выработается газетный слог, улучшатся пути сообщения, и тогда китайская пресса приобретет огромное общественное значение, «будучи выразительницей идей 400 миллионного населения» [1, л. 5]. По мнению Путяты, газета могла бы решить ряд задач. В числе приоритетов он называл: ознакомление Китая, Кореи, Японии с истинным положением России и ее политическими задачами на Востоке; демонстрацию китайцам истинных устремлений англичан; помощь в практическом знакомстве с Китаем. Будучи военным агентом, Путята просчитывал возможные плюсы существования газеты в военное время. «Состав преданной и зависящей от нас редакции окажет незаменимые услуги в военное время», когда кроме военных действий появится потребность в «определении способов для обращения ко всей массе китайского населения с целью привлечь на нашу сторону симпатии интеллигентных сил страны [1, л. 6об.].

Предложением Путяты заинтересовались в Петербурге. Солидарную позицию высказал приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф. В 1892 г. во время его приезда в Петербург в военном министерстве рассматривался вопрос об «учреждении в Китае русского органа, издаваемого на китайском языке для распространения среди населения правильных взглядов на политику России и взаимные отношения обоих государств» [1, л. 10]. Несмотря на то, что заинтересованные министерства, в том числе и МИД, отнеслись к идее благосклонно, но на тот момент денег на ее реализацию не было [1, л. 10].

В марте 1894 г. было получено Высочайшее соизволение на отпуск 12500 рублей в распоряжении российского военного агента в Китае на издание газеты [1, л. 11]. Однако, имеющиеся у нас сведения о начале издательской деятельности относятся к началу XX в.

В 1901 г. директор Восточного института во Владивостоке А.М. Позднеев в ответ на телеграмму приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова о намерении создать в Маньчжурии русско-китайскую газету писал: «Великое дело! Русское дело! Дело первой государственной важности! Исполнить его на Востоке не может никто, кроме Вашего Высокопревосходительства. Это – мое истинное убеждение. Китайцы, искони привыкли свободно рассуждать как о внешней, так и внутренней политике, и, не стесняясь подвергать критике всякие проявления в области своего управления и быта вплоть до богдоханских указов. Грамотность развита у них как едва ли у какого-либо иного народа в мире, и они любят читать, а еще больше рассуждать о прочитанном. Стоит пожить в китайской деревне, чтобы убедиться какое впечатление производит на народ газетная статья, прочитанная где-либо на улице поселянами, собравшимися вечерком у ворот посумерничать. Разговор по поводу прочитанного минимум дня на два, и дома, и на поле, при больших и малых, при женах и девицах. Этим отчасти и объясняется тот энтузиазм, с которым бросаются на защиту своих убеждений даже десяти-, двенадцатилетние девчонки. Англичане давно уже постигли эту характерную черту китайского народа, оттого-то правительство их и субсидирует целые десятки, издаваемых в Китае газет, с целью проведения своих идей в народную массу. (...) В этих газетах нередко передаются вопиющие несправедливости в отношении России, но все они остаются, конечно, безответными, так как мы не предпринимаем ничего для охраны и

подъема своего престижа в Китае и для пропаганды своих идей. А между тем это было бы сделать так легко по крайней мере в отношении Маньчжурии» [10, л. 129 об. – 130].

Единственное, что, по мнению А.М. Позднеева, облегчает ситуацию, это то, что английский газеты распространяются в основном в портах. Правда вместе с пароходами из Шанхая и Тяньцзина эти газеты распространяются по Китаю, и даже достигают Маньчжурии и «до известной степени делают и здесь свое дело, но все это ничтожно, ибо чересчур незначительно количественно; между тем, как мы можем распространять свою газету сразу по всей Маньчжурии. Но исполнить это в высшей степени трудно и главным образом по недостатку преданных делу, трудолюбивых и истинно русских по убеждениям китаистов. Кто может исполнить это дело издания? Думаю, - никто кроме Восточного Института, и только он один способен повести дело как следует и с внешней и с внутренней стороны [10, л. 130]. Позднеев особое внимание обращал на стиль изложения, отмечая, что Восток любит изысканный язык, ценится не только «удобопонятность, но и правильность и красота слога» [10, л. 130 об.]. Если изложить китайцу «серьезную и интересующую его мысль неточно, неудобопонятно, или вульгарно, - он ее и читать не станет, а отнесется ко всей работе с подозрением» [10, л. 130 об.].

Симптоматично, что на аудиенции у императора 26 июня 1902 г. А.М. Позднеев не только услышал благодарность за «ознакомление России с текущими событиями жизни Дальнего Востока», но и вопрос «о возможности для Института обратно ознакомлять Восток с событиями жизни русской» [8, с. 1].

С заключением в начале 1902 г. англо-японского союза ситуация информационного противостояния России с одной стороны и Японии и Британии с другой обострилась. Руководители лондонской “Times” «поощряли Японию выступать против русских», видя «свою задачу в привлечении симпатий британцев к Японии вплоть до оказания ей военной помощи, в годы войны “The Times” оказывала японцам столь горячую поддержку, что газету даже считали исходной виновницей этой войны» [11].

Как справедливо отметил Д.Б. Павлов, с каждым годом потребность в иноязычном прорусском органе на Востоке приобретала все большую остроту. В 1903 г. агент министерства финансов в Иокогаме Н.А. Распопов, долгое время проработавший на Дальнем Востоке, писал: «Этот вопрос не может не зародиться, когда русскому человеку приходится присутствовать при той возмутительной травле, которой англичане и японцы подвергают на Востоке все русское ... выставляют дикарями, обманщиками, смутьянами, насильниками и т.д. И не только в политике, а решительно во всем: в международных отношениях, во внутренней государственной жизни, в промышленности и торговле, даже в домашнем быту... Эта ложь и глупость никогда и никем не опровергается и приобретает потому значение непреложной истины. Эти ложь, злоба и глупость создают общественное мнение невежественной, грубой и увлекающейся массы. Она мешает естественному развитию нашей экономической жизни ... она создает нам, наконец, вечные политические осложнения» [11].

Несмотря на осознанную потребность и приложенные усилия накануне русско-японской войны русских китаеязычных газет, по всей видимости, не существовало. Русско-японская война интенсифицировала процесс, шедший годами. В литературе встречается разнородная, а подчас и противоречивая информация (требующая, на наш взгляд, тщательной источниковой проверки) об издании или финансировании Россией в период войны нескольких китаеязычных газет.

Б.А. Старков сообщает, что приказом наместника императора на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева с 10 сентября 1904 г. под руководством военного агента в Китае полковника Ф.Е. Огородникова начала издаваться газета «Китайское обозрение» [13, с. 36].

Чжао Юнхуа пишет о том, что в 1904 г., в самом начале русско-японской войны, воспользовавшись средствами Русско-Китайского банка, царское правительство стало издавать в Пекине китаеязычную газету «Яньду бао» («Пекинская газета»). Из-за тяжелого финансового положения и в связи с некупаемостью тиражей она вскоре прекратила

выходить [15, с. 206]. Возможно об этой же газете пишет Д.Б. Павлов: «в феврале 1904 г. наместник Е.И. Алексеев распорядился начать издание в Пекине газеты “Jen-Tu-Pao”. С тех пор наместник и его штаб превратились в главных координаторов российской агитационно-пропагандистской работы в дальневосточном регионе, оставляя решение стратегических вопросов за центральным правительством с императором во главе. Создателем же самой газеты выступил глава пекинского отделения Русско-китайского банка Д.М. Позднеев - младший брат директора Восточного института. К июлю 1904 г. “Jen-Tu-Pao” приобрела штат постоянных китайских корреспондентов, установила связи с другими городами Китая, обзавелась собственной типографией и до 500 подписчиков» [11]. В том же 1904 г. царское правительство основало в Порт-Артуре другую китаеязычную газету - «Гуаньдун бао» («Северо-Восточная газета») [15, с. 206].

19 апреля 1904 г. в Мукдене (Шэньян) в частной типографии был напечатан первый номер китаеязычной газеты «Шэнцзин бао» («Шэньянская газета»). Выход восьми месячных номеров, каждый тиражом в 5 тыс. экземпляров, обходился русскому командованию без малого в 500 рублей [11]. Ее негласным руководителем был полковник Генерального штаба, военный комиссар Мукденской провинции М.Ф. Квещинский. Тираж первых номеров «Шэнцзин бао» мукденский военный комиссариат разослал русским военным и гражданским властям Гирина, Цицикара, Харбина, Тяньцзиня, Ляояна, Телина и других китайских городов для бесплатной раздачи населению и организации подписки. «Присланные номера распространены от Инкоу до Пекина, - доносил из Шанхайгуана помощник военного атташе капитан А.Е. Едрихин 6 мая 1904 г.; - впечатление хорошее. В тяньцзинской китайской газете был благоприятный отзыв. Вчерашняя присылка разобрана в одно утро ... Много желающих подписаться. Благоволите высылать больше экземпляров» [11]. Управляющий отделением Русско-Китайского банка в Цицикаре известил Квещинского, что присланные экземпляры газеты он направил в Яжэхэ, Бэйлинцзы, Хуланчен, Мерген и Хайлар [11].

Заметим, что в этом регионе газета была единственным печатным органом на китайском языке и поэтому приобрела большую популярность, получив широкое распространение среди местного населения. Это вызвало соответствующую реакцию со стороны японской агентуры. В редакцию газеты и ее сотрудникам начали поступать угрожающие письма. Это не помогало, тогда японцы прибегли к более действенным мерам: подкупу и шантажу местной китайской администрации. Китайские чиновники, озабоченные утратой своих рычагов влияния и давления на настроение общества, приняли все меры для прекращения выпуска газеты. Личность первого редактора – вопрос, требующий уточнения. По одним сведениям - А.В. Спицын, бывший в ту пору студентом Восточного института, прикомандированным к канцелярии военного комиссара Мукденской провинции. Помощником редактора назначили П.С. Тищенко, ставшего позже помощником редактора, а с 12 июня 1906 г. - редактором «Харбинского вестника» [14, с. 2]. Остальные сотрудники редакции были китайцами. По другим - редактором стал студент-китаист Восточного института В.И. Николаев, затем китаец Wong-Shih-Shang. Штатное расписание из восемнадцати китайских редакторов, канцелярских и технических служащих было утверждено главнокомандующим А.Н. Куропаткиным в конце ноября 1904 г. [11].

Но закрепить успех «Шэнцзин бао» не удалось. В конце 1904 г. издание «Шэнцзин бао» было прекращено. Личный состав редакции был разогнан, а хозяин типографии отказался печатать газету. В начале 1905 г. генерал Куропаткин приказал возобновить издание «Шэнцзин бао» и даже приобрести собственную типографию, чтобы не зависеть от частных предпринимателей. С этой целью в Шанхае была куплена и перевезена в Тяньцзинь типография вместе с нанятыми редактором и 17-ю китайцами-наборщиками. Однако события на Маньчжурском фронте, в частности, занятие японцами города Синминтина в феврале 1905 г., задержали монтаж оборудования и переезд персонала. После Мукденского сражения новый главнокомандующий генерал Линевиц приказал перевести оборудование и личный состав редакции (18 человек, редактор А.В. Спицын, помощник редактора И.А.

Доброловский, китайский редактор Гу Бин-и) из Тяньцзиня через Монголию в Харбин. Для этого были выделены необходимые средства (8000 лан), однако до конца войны планируемый переезд и возобновление издания газеты не состоялись. Линеви́ч передал типографию и весь инвентарь газеты управлению КВЖД. Одновременно с передачей типографии и всего принадлежащего газете имущества, на службу дороге перешел и личный состав газеты, в том числе и редактор А.В. Спицын [7, с. 11; 9, с. 286; 13, с. 36].

Д.Б. Павлов приводит несколько отличающиеся сведения. В августе 1904 г., во время битвы за Ляоян, выход газеты в свет был приостановлен, а после Мукденского сражения февраля 1905 г., в ходе которого редактор «Ван» пропал без вести, и вовсе прекращен. Попытка возобновить издание «Шэнцзин бао» в Харбине не увенчалась успехом, хотя на словах новый главнокомандующий Н.П. Линеви́ч придавал «распространению среди местного китайского населения, посредством печати, достоверных и нам благоприятных сведений» столь же «огромное значение», что и его предшественник А.Н. Куропаткин [11].

Представляется, что дополнительные архивные исследования позволят уточнить разночтения и составить непротиворечивую версию истории «Шэнцзин бао».

Наряду с Пекином и Мукденом центрами пропагандистской активности российских дальневосточных властей стали Тяньцзинь и Шанхай. В марте 1904 г. маньчжурское командование начало тайно субсидировать тяньцзиньскую газету «Ji-Pao» в обмен на обязательство ее китайского владельца печатать официальные российские военные сводки. Наблюдать за публикациями было поручено Д.М. Позднееву. На аналогичных условиях поддержкой шанхайской газеты «Shen-Pao» на время заручился «второй» военный атташе в Китае генерал К.Н. Дессино. По такому же сценарию в дальнейшем стали выстраиваться взаимоотношения русских властей и с региональной иноязычной прессой. Как показал последующий опыт, это был кратчайший путь к достижению поставленной цели - воздействовать в благоприятном для России смысле на «туземное», а опосредованно, - и на мировое общественное мнение. Негласное субсидирование иноязычной прессы Дальнего Востока осуществляли военный агент в Китае полковник Ф.Е. Огородников и сотрудники так называемой «Шанхайской агентуры» - секретной службы, созданной в начале апреля 1904 г. по «высочайшему повелению» и в соответствии с замыслом наместника на Дальнем Востоке [11]. На эти цели ежемесячно «Шанхайской агентуре» выделялось 6500-8500 руб., что втрое или даже вчетверо меньше аналогичных трат японского Генерального консульства. «Русские» газеты печатались в столице Кореи, а также в пяти китайских городах (Пекине, Мукдене, Тяньцзине, Шанхае и Чифу), но их общественное звучание и ареал распространения выходили далеко за рамки этой географии. Опираясь на них, Россия, стартовав с нуля, начала формировать общественное мнение Китая и Кореи в желательном для себя направлении, причем в масштабе, сопоставимом с японским [11].

После окончания войны Россия, утратив Порт-Артур и Дальний, вынуждена была сосредоточить издание газет, - и русскоязычных, и китаеязычных, - в Харбине. В марте 1906 г. увидел свет первый номер газеты «Юаньдун бао» («Дальневосточная газета»), финансируемой руководством КВЖД. Газета стала первой китаеязычной газетой и в Харбине, и во всем Хэйлунцзянском районе. Этот проект оказался по настоящему успешен - газета просуществовала вплоть до 1921 г. На издание «Юаньдун бао» руководство дороги ежегодно выделяло, по данным Чжао Юнхуа, до 170 тыс. рублей. При такой поддержке газета быстро развивалась: росли ее тиражи и популярность. Она распространялась не только в Харбине, но и в Синьмине, Шэньяне, Монголии. Главная задача этой газеты, как и других российских изданий, состояла в том, чтобы поддерживать в обществе настрой на борьбу с усилившимся проникновением Японии в Китай и Монголию [15, с. 206-207]. Новая газета довольно быстро приобрела известность среди китайской публики. На газету обратили внимание не только в Северном Китае, но и в других «местах необъятного Китая, равно как и повременные издания китайских колоний в Америки и других странах света, предложив «Юаньдун бао» обмен изданий» [9, с. 79]. В 1908 г. японцы попытались использовать

популярный бренд и начали издавать в Куанченцзы собственную газету под названием «Юаньдун бао». Благодаря бдительности российского коммерческого агента их вероломство было обнаружено и выпуск «контрафактной» газеты был прекращен [2, с. 10]. Русская редакция «Юаньдун бао» состояла из выпускников Восточного института (редактор - А.В. Спицын, помощник редактора - И.А. Доброловский, секретарь - И.Н. Веревкин).

Первоначально газета издавалась два раза в неделю тиражом 1500 экземпляров, в июле 1906 г. ее тираж достиг 3000. В конечном итоге «Юаньдун бао» стала восьми полосной и ежедневной. Ее страницы заполнялись не только политическими, экономическими и литературными новостями, но и торговой рекламой. Основной задачей газеты являлось содействие торговым и промышленным сношениям и культурному общению России и Китая. С созданием газеты русское правительство получило возможность знакомить китайские официальные круги и общественное мнение с тенденциями русской политики и деятельности на Дальнем Востоке [9, с. 79]. Цена в первый год издания составляла для жителей Харбина 3 рубля в год, а для иногородних читателей 4 рубля [1, л. 2; 9, с. 286].

Несмотря на успехи газеты и рост популярности, в 1910 г. ее дальнейшее существование было поставлено под вопрос из-за сложностей финансирования. Правление дороги посчитало возможным поднять подписную цену и указало управляющему на «необходимость принять энергичные меры по поднятию доходности газеты» [2, л. 11 – 11об.]. Генеральный консул в Харбине надворный советник Н.Г. Поппе подтвердил, что издание действительно убыточно, но именно благодаря доступности, а также высокому профессионализму, оно удерживает «распорядительное и влиятельное положение среди многочисленной японской и китайской прессы в Маньчжурии» [2, л. 10]. Он отмечал, что «газета установила живую связь с китайским туземным обществом, всей японской и китайской прессой в Китае и Маньчжурии, и к голосу ее серьезно прислушиваются как административные сферы, так и туземные общественные круги» [2, л. 10].

В качестве возможного варианта выхода из сложившейся ситуации рассматривалась передача газеты МИДу в лице генерального консульства в Харбине. Министр финансов В.Н. Коковцев высказал понимание этого вопроса, однако отметил, что КВЖД также нуждается «в подобном органе» и ее интересы должны быть учтены. Российский посланник в Пекине И.Я. Коростовец в письме министру иностранных дел С.Д. Сазонову отмечал, что «Задача «Юаньдун бао» всегда была и будет политическая. При всем упрочивающемся сознательном отношении местного населения к каждому нашему шагу в Маньчжурии, мы не можем отказываться от воздействия на это население через прессу» [2, л. 10 об.]. Министр финансов В.Н. Коковцев предлагал изменить систему финансирования: либо включить расходы по изданию газеты в общие расходы миссии по секретному фонду, либо попросить специальную сумму на продолжение издания газеты. Это предложение вызывает протест дипломатов, т.к. пятидесятитысячный фонд на секретные издержки расходуется на содержание шанхайской агентуры, две монгольские агентуры в Харбине и Кяхте, на расходы по школьному делу в Китае. Этот фонд мал и недостаточен. Из этого фонда миссией уже субсидируются две газеты: одна в Шанхае, другая – здесь в Пекине.... [2, л. 16]. В конечном итоге кризис 1910 г. был преодолен, газета осталась в ведении КВЖД.

В 1913 г. редакция отмечала выход в свет двухтысячного номера газеты. Были получены сотни приветствий, в том числе от премьер-министра Сюн Силина, местного гуань-ча-ши Ли Цзяо, чаньчунского даотая Мэн Бинчжу, гиринского губернатора Цзо Яолия, владивостокского генерального консула. Спицын и Доброловский были награждены китайским правительством орденом 3 класса Республика «за выдающиеся заслуги газеты в деле сближения Китая и России на почве культурно-экономического взаимодействия» [12, с. 35]. Однако в том же году возникли и непредвиденные сложности. Запутанные монгольско-китайские отношения повлияли и на российско-китайские отношения, т.к. по мнению китайцев русские заняли промонгольскую позицию. И.Я. Коростовец, зимой 1913 г. отмечал, что китайская пресса «настроена воинственно и требует войны с Россией. Во многих пунктах

Китай бойкотируют русских, русские учреждения и вообще все русское» [3, л. 195]. Газета, разъяснявшая позицию России, в том числе и по этому вопросу, подверглась ожесточенной критике «крайних партий Китая, которые не только старались уничтожить влияние «Юаньдун бао» публицистическим путем, но даже проявляли намерения агрессивного характера. Редакция получала оскорбительные и угрожающие письма. Редактор «Юаньдунбао» Спицын получил 4 письма со смертными угрозами» [4, с. 79].

С началом первой мировой войны газеты стали полем очередной невидимой борьбы. В октябре 1915 г. консул в Гирине сообщал, что местная газета «Цзин-чан-жибао» сначала бесплатно помещала на своих страницах российские телеграммы, а потом отказала в этом, публикуя только немецкую версию событий. Российскому консулу пришлось добиваться личной встречи с губернатором, и лишь после его вмешательства справедливость восторжествовала - со страниц газеты исчезли и немецкие телеграммы [2, л. 28]. Для пропаганды российской позиции в этот период огромную роль сыграла «Юаньдун бао». Управляющий КВЖД Д.Л. Хорват телеграфировал 9 февраля 1915 г.: «С началом военных действий и по настоящее время деятельность «Юань-дун-бао» исключительно посвящена широкому осведомлению китайского населения Маньчжурии о ходе военных операций в духе наших и союзных интересов, а также борьбе с немецкими измышлениями и немецкой пропагандой в печати» [2, л. 22]. Он отмечал, что за время войны тираж вырос на 1000 с лишним экземпляров, и «в дальнейшем будут усилены средства борьбы Юань-дун-бао с враждебными нашим и союзным интересам течениям туземной печати» [2, л. 22]. Главный редактор газеты А.В. Спицын в беседе с генеральным консулом в Харбине В.В. Траутшольдом в марте 1915 г. рассказал, что ««Юаньдун бао» с самого начала войны уже выполняет в намеченном Главном Управлении Генерального Штаба направлении, всецело отдавшись возможно широкому распространению среди китайцев подробных сведений об истинном ходе событий в театрах войны в должном освещении, и предупреждая читателей от увлечения мнимыми германскими успехами. Газета в настоящее время дает почти исключительно военные сведения и можно констатировать, что с начала войны, благодаря осведомленности в мировых событиях, интерес к изданию среди китайской публики значительно возрос» [2, л. 22]. С октября 1915 г. редакция «Юаньдун бао» стала рассылать в разные города бюллетени «Истинные известия о военных действиях» с российскими военными телеграммами на китайском языке, для раздачи местным китайским чиновникам и представителям крупных фирм. Заметим, что практика печати военных телеграмм на отдельных листках, а затем распространения их среди китайцев была заимствована у немцев. Так поступала редакция пронемецкой газеты «Бэй-ян-дэ-хуа-жи-бао» в Тяньцзине. «Их деятельность в этом направлении столь успешна, что в отношении Гирина, например, это было даже отмечено шанхайской печатью» [2, л. 26 об.].

В 1916 г. «Вестник Азии» отмечал: «Юаньдун бао» является единственной русской газетой на китайском языке, ведущей борьбу с многочисленными немецко-китайскими газетами, с целым легионом агитаторов, шпионов и агентов Германии, старающихся повредить нашему влиянию, умалить наше значение в глазах китайцев и восстановить их против нас [5, с. 114 - 115]. Этот военный год стал для газеты юбилейным – десять лет со дня выхода первого номера, опять был ворох поздравительных телеграмм, в том числе и от премьер-министра [14, с. 2]. По этому случаю 1 марта 1916 г. в полдень в редакцию газеты прибыли даотай Ли Хунмо, председатель цицикарского бюро Ма Чжун-дзюй, начальник Фуцзядяня Чжан, начальник лесного бюро Сун До-шен, представитель цицикарского генерал-губернатора Лянь Мо-цин [14, с. 2].

Однако спустя несколько лет ситуация радикально изменилась, несмотря на симпатии китайцев к Спицыну, газета в 1921 г. перестала выходить. Это было следствием выполнения «дополнительного соглашения», по которому КВЖД отказывалась от прав вести какую-либо политическую деятельность [6, с. 109]. Таким образом, Россия, достаточно поздно включившись в информационную борьбу на Дальнем Востоке, сумела достичь результатов

сопоставимых с результатами основных соперников – британцев, японцев и немцев. Однако новые политические реалии 20-х годов XX в. во многом нивелировали достигнутые успехи и вынудили искать новые методы и формы противостояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 2024.
2. АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 2027.
3. АВПРИ. Ф. 340 (Личный архив И.Я. Коростовца). Оп. 839. Д. 11.
4. Наука и жизнь // Вестник Азии. - 1913. № 19 – 22. – С. 75 -84.
5. Юбилей Коммерческого училища и газеты «Юань-дун-бао» // Вестник Азии. - 1916. - № 37. Кн. 1. С. 112 - 123.
6. Говердовская Л.Ф. Развитие периодической печати и библиотечного дела русскими эмигрантами в Китае в 20-40 годы XX столетия // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. - 2007. - № 2. – С. 105 - 111.
7. Железнодорожная жизнь Дальнего Востока. - 1916. - № 5.
8. Известия Восточного Института. Владивосток: Паровая типо-литография газеты «Дальний Восток». - 1904. - Т. 4 - 9. (Пагинация раздельная).
9. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука. 1991. 317 с.
10. Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 4.
11. Павлов Д.Б. Русско-японское пропагандистское противостояние на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг. // Труды Института российской истории. Вып. 11. М., 2013. - 487 с. <http://ebookiriran.ru/index.php?id=189§ion=8&view=article> (Дата обращения: 15.04. 2018).
12. Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения (начало XX в. — 1951 г.). Дис. ... канд. ист. наук. - Владивосток, 1999. – 327 с.
13. Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903-1914 гг. СПб.: Питер, 2006. - 304 с.
14. Усов Н.А. Юбилей «Юань-дун-бао» // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. - 1916. - № 10.
15. Чжао Юнхуа. Русские газеты в Китае первой половины XX века // Россия и современный мир. - 2002. - № 2. - С. 204 - 216.
16. Introductory // Chinese Times. 1886. № 1 (6 November). P. 1 - 2.
17. Pong D. Shen Pao-chen and China's Modernization in the Nineteenth Century. Cambridge University Press. 1994. – 415 p.

УДК 372.881.1

Румянцева Марина Витальевна, доцент

Факультет Высшая школа перевода

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

rummyantseva_2011@mail.ru

О «ПОСОБИИ ПО ЧТЕНИЮ И ПЕРЕВОДУ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (МОСКВА, ВКН, 2018)

Аннотация. Статья знакомит читателя с новым пособием – пособием по чтению и переводу современной художественной литературы, предназначенным для студентов старших курсов и учащихся в магистратуре. В уроки пособия, помимо литературных